

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ В ПЕРЕВОДАХ А.Ф. МЕРЗЛЯКОВА

Я.Л. Забудская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Совместный университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, КНР;
yapazabud@mail.ru*

Аннотация: В работе рассматриваются первые переводы древнегреческой трагедии на русский язык. В начале XIX в. Московский университет оказывается у истоков переводческой деятельности в отношении греческой трагедии: первые переводчики, П.Ю. Львов и А.Ф. Мерзляков, были связаны с Университетом (как и В.Т. Нарезный, создатель «подражания» «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова»). В 1806 г. Мерзляков издал в «Вестнике Европы» отрывок из «Семерых против Фив» Эсхила, в 1808 г. — отрывки из «Гекубы» и «Алкесты», являющиеся первыми русскими переводами Еврипида. В 1815 г. в «Амфионе» вновь появился Эсхил («Кассандра в чертогах Агамемнона» из первой части «Орестеи») и Софокл — «Эдип Колонейский». В 1825 г. в двухтомнике «Подражания и переводы» к этим фрагментам были добавлены эпизоды из «Хоэфор» Эсхила, «Антигоны» Софокла и «Ифигении в Тавриде» Еврипида.

В работах Мерзлякова нашли отражение основные тенденции эпохи — зависимость от французских образцов (прежде всего от Лагарпа и его «Лицея») и сосуществование перевода и «подражания». В первом переводе («Семь вождей против Фив») влияние Лагарпа очевидно, но в дальнейших «фрагментах» он скорее отталкивается от Лагарпа и ищет свой путь в передаче особенностей оригинала. В переводах Мерзлякова проявилась причудливость его литературных взглядов: объединение классицизма (александрийский стих, попытки соблюсти единство действия даже в отрывках), сентиментализма и романтизма (подмена рациональных рассуждений «рваным» синтаксисом с восклицаниями и многоточиями, поиск нового пути в передаче античных лирических размеров, «романтическая» лексика). Исключительность переводов Мерзлякова заключается в попытке объединения двух стратегий заимствования античного материала — подражаний, т. е. собственных произведений на античный сюжет, соперничающих с образцом, и переводов, воспроизводящих этот образец с разной степенью точности.

Ключевые слова: трагедия; подражание; перевод; вольность и точность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-11

Для цитирования: Забудская Я.Л. Греческая трагедия в переводах А.Ф. Мерзлякова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 123–137.

GREEK TRAGEDY IN TRANSLATIONS MADE BY A.F. MERZLYAKOV

Yana L. Zabudskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; MSU-BIT University, Shenzhen, China; yanazabud@mail.ru

Abstract: Moscow University stays at the origins of translation of Greek tragedy into Russian: the first translators, P. Lvov and A. Merzlyakov, were associated with the University. In 1806, A.F. Merzlyakov published an excerpt from Aeschylus's *Seven Against Thebes* and in 1808 — excerpts from *Hecuba* and *Alcestis*, the first Russian translations of Euripides. In 1815, he published *Cassandra in the Halls of Agamemnon* from the first part of Aeschylus's *Oresteia*, and an excerpt of Sophocles's *Oedipus Colonus*. In 1825, in two-volume "Imitations and Translations" to the above-mentioned fragments episodes from Aeschylus's *Choephoroi*, Sophocles' *Antigone* and Euripides' *Iphigenia in Tauris* were added. Merzlyakov's works reflect the main tendencies of his time — dependence on French versions (La Harpe and his "Lycée") and the coexistence of translation and "imitation". In Merzlyakov's first translation (*Seven Chiefs Against Thebes*) the influence of La Harpe is obvious, but in subsequent "fragments" he rather pushes off from La Harpe and seeks his own way in conveying the features of the original.

Merzlyakov's translations revealed the eccentricity of his literary views: a combination of classicism (Alexandrian verses, unity of action even in fragments), sentimentalism and romantism (replacing rational reasoning by "torn" syntax with exclamations and ellipses, searching for a new way to convey ancient lyrical meters, "romantic" vocabulary). Unique character of Merzlyakov's translations also lies in the attempt to combine two strategies for borrowing ancient material — imitations, i.e. works on an ancient subject, competing with the model, and translations, that reproduce this model with varying degrees of accuracy.

Keywords: tragedy; imitation; translation; liberty and accuracy

For citation: Zabudskaya Ya.L. (2026) Greek Tragedy in Translations Made by A.F. Merzlyakov. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 123–137.

Хотя европейская традиция перевода древнегреческой драмы ведет отсчет от Ренессанса¹, эпохой, по-настоящему обратившейся к переводу трагедии, стал XVIII век. Но если в Европе к концу «века Просвещения» складывается полный корпус переводов древнегре-

¹ Первым переводом на национальные языки считается испанская версия «Электры» Софокла, изданная в 1525 г. Фернаном Пересом де Оливой под названием «Мечь за Агамемнона».

ческих трагиков (по крайней мере, на основные европейские языки), то в России традиция перевода греческой драматургической классики только начала формироваться.

Первым таким опытом считается «Филоктет» Софокла в переводе В. Голицына² в 1799 г. В 1801 г. в журнале «Иппокрена» П.Ю. Львов публикует прозаический перевод небольших отрывков из «Антигоны» и «Эдипа в Колоне»³. Чуть позже к Софоклу присоединяются Эсхил и Еврипид: А.Ф. Мерзляков в 1806 г. издает в «Вестнике Европы» отрывок из «Семерых против Фив» («*Седьм вождей под Фивами*») Эсхила⁴, а в 1808 г. публикует два отрывка, из «Гекубы»⁵ и «Алкесты»⁶, являющиеся первыми русскими переводами Еврипида. В 1815 г. в издаваемом самим Мерзляковым «Амфионе» вновь появляются Эсхил («*Кассандра в чертогах Агамемнона*» из первой части «Орестей») и Софокл — «*Эдип Колонейский*». В 1825 г. выходит двухтомник Мерзлякова «Подражания и переводы», где к вышечисленным фрагментам добавляется эпизод из Эсхиловых «Хоэфор» — «*Электра и Орест при гробе Агамемнона*», «*Антигона, из трагедии Софокловой сего имени*» и «*сцены из трагедии Еврипидовой “Ифигения в Тавриде”*».

«Подражания» в эту пору действительно шли рука об руку с переводами: в том же 1799 г., что и «Филоктет» Голицына, была издана «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова» В.Т. Нарезного⁷. Так Московский университет оказывается у истоков рецепции греческой трагедии в России: и Нарезный, и Мерзляков — выпускники университетской гимназии⁸ и студенты Университета. Правда, Нарезный курса не окончил, Мерзляков же прошел ступени от адъюнкта до декана словесного отделения, а также директора Педагогического института и статского советни-

² В. Голицын: Филоктет. Трагедия Софокла. Пер. с франц. М., 1799. Здесь все показательно: перевод прозаический, с французского (*La Harpe J-F. Philoctète: tragédie traduite du grec de Sophocle. Paris M. Lambert & F.J. Baudoin, 1781*), и из всех трагедий выбрана наиболее соответствующая поэтике классицизма с точки зрения конфликта чувств и долга.

³ «Иппокрена, или утехи любословия» 1801. Ч. IX. С. 283–285; Ч. X. С. 201, 406–408.

⁴ Вестник Европы. Часть XXIX, No 17, 1806.

⁵ Вестник Европы. Часть XXXVII, No 4, 1808.

⁶ Вестник Европы. Часть XXXVIII, No 7, 1808.

⁷ «Иппокрена, или Утехи любословия», № 80 за 1799 г. В качестве источников драмы Нарезного традиционно рассматриваются «Семеро против Фив» Эсхила и «Антигона» Софокла [Бочкарев 1964: 27], а некоторые сюжетные мотивы позволяют предположить и влияние «Финикиянок» Еврипида.

⁸ Выпускником Университетского пансиона был и П.Ю. Львов.

ка. Нам, впрочем, сейчас важна не административная его деятельность, а литературная.

Переводы из греческих трагиков — наименее изученная часть наследия Мерзлякова⁹. Они не обнаруживаются среди текстов, вошедших в том из серии «Библиотека поэта», подготовленный Ю.М. Лотманом; в разговоре о литературных заслугах Мерзлякова они упоминаются мельком, и в разговоре об истории перевода греческой трагедии их обычно постигает та же участь.

Мерзляков был одной из ярких фигур московской университетской и литературной жизни начала XIX в. Ярких — в том числе в силу противоречивости: Пушкин называет его «добрым пьяницей, но ужасным невеждой» (в письме Плетневу от 26 марта 1831 г.), Батюшков — педантом, который «задушил Вергилия, Алкею укоротил крылья». Однако слушатели лекций Мерзлякова (в Университете, в университетском Пансионе, на открытом Мерзляковым в 1812 г. публичном курсе словесности) утверждали, что «всякое его слово, от души сказанное, западало в душу и навсегда в ней оставалось» и что по особым случаям послушать Мерзлякова приходили не только словесники, но и студенты других факультетов [Погодин 1855: 235–236] (вот он, прообраз межфакультетских курсов); его «Среди долины ровныя...» становится практически народной песней.

Мерзляков обратился к переводам греческой трагедии в начале своей университетской деятельности, примерно в то же время, когда он занял кафедру «красноречия, стихотворства и языка русского». Как уже было сказано, первым был перевод из «Семерых против Фив» Эсхила. Отрывок длиной порядка сотни строк представляет собой перевод финального коммоса, приблизительно со строки 875. Приблизительно — потому что перевод крайне вольный: лирические размеры передаются шестистопными ямбами, т. е. размером, соответствующим не лирическим, а драматическим частям. Чаще всего эти ямбы имеют форму александрийских стихов — то есть сдвоенную рифму, но местами используется рифма перекрестная (например, в самом начале отрывка) и вкрапления четырех- и трехстопных ямбов. Лишь отдельные фразы являются

⁹ Его жизнеописание было представлено С. Шевыревым в биографической статье 1855 г. [Шевырев 1855] и в очерке Н. Мизко к столетию со дня рождения [Мизко 1879]; роль в литературе начала XIX в. в целом обрисована Ю.М. Лотманом [Лотман 1958]; литературная и культурная деятельность — в книге Ф.А. Виноградова [Виноградов 1908] и нескольких диссертациях [Мильман 1984; Косякова 1995; Дзячко 2009]; перевод «Освобожденного Иерусалима» Тассо проанализирован Е. Эткиндо [Эткиндо 1973: 171–174]; деятельность в «Вестнике Европы» — Г.В. Зыковой [Зыкова 1998]; лекторская деятельность — А.И. Любжиным [Любжин 2004].

переводами строк Эсхила¹⁰, а разделение на реплики между полухориями не соответствует оригиналу. Таким образом, мы имеем дело скорее с подражанием. Причину выбора именно этого фрагмента Мерзляков приводит в «Подражаниях и переводах» (где, кстати, видна существенная редакция текста): «эта сцена помещена здесь для того более, что она служит введением к следующему отрывку, взятому из Софокла» [Мерзляков 1825: 126]. Очевидно, что это объяснение не подходит для публикации отрывка в «Вестнике Европы» 1806 г. Тут обнаруживается объяснение совсем иного толка — влияние «Лицея» Лагарпа. Книга Лагарпа¹¹ была главным источником сведений об античной литературе для русских любителей словесности того времени [Кочеткова 2009: 132].

В «Лицее» в качестве отрывка из «Семерых» приводится частично совпадающий с текстом Мерзлякова фрагмент: он начинается со схожих сетований в адрес братьев (у Мерзлякова они «ослеплены», у Лагарпа — «глухи к советам дружбы») (*sourds aux conseils de l'amitié* [Laharpe 1817: 226]); совпадают соответствующие оригиналу фразы, но в переводе Мерзлякова они все же похожи более на Лагарпа, чем на Эсхила, например эсхилловское «они примирены железом» (885) у Лагарпа звучит как *le fer seul a pu vous accorder*, у Мерзлякова — «железо лишь одно могло вас примирить!». Само название «Семь вождей» напоминает версию Лагарпа *Sept Chefs* (в греческом названии Ἑπτὰ ἐπί Θῆβας существительного при числительном нет, и этот принцип сохраняет современная традиция передачи этого названия, как русская, так и французская). Имена братьев, выкликаемые сестрами, также есть у Лагарпа, но отсутствуют у Эсхила. Таким образом, перевод Мерзлякова в данном случае — скорее перевод фрагмента из «Лицея», хотя и не буквальный и несколько расширенный (например, Лагарп останавливается на реплике Антигоны, а Мерзляков все же завершает свой фрагмент репликой хора, хотя и сокращенной по сравнению с оригиналом).

В 1808 г. в 4-м номере того же «Вестника Европы» выходит текст под названием «Смерть Поликсены» и подзаголовком «Отрывок из Эврипидовой Трагедии: Гекуба». Во введении он назван подражанием, однако в конце текста мы видим *Съ Греческаго А. Мрзлкв* (при

¹⁰ 885, 900, 926, 928, 933, 907-910, 955. Нумерация по изданию: Aeschylus. With an English translation by Herbert Weir Smyth, Ph. D. in two volumes. 1. Seven Against Thebes. Cambridge. Cambridge, Mass., Harvard University Press; London, William Heinemann, Ltd. 1926.

¹¹ Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne / par J.F. Laharpe; vol. 1-9, 1799-1805. В 1810-14 гг. были изданы 5 томов перевода: Ликей, или Круг словесности древней и новой: [в 5 ч.] / сочинение Ж. Ф. Лагарпа. СПб.: Типография В. Плавильщикова, 1810-1814.

«Семи вождах» упоминания греческого не было). Сходство с Лагарпом уже не так сильно: в «Лицее» приводится монолог Гекубы, напоминающей Улиссу о помощи, которую она оказала, и умоляющей пощадить Поликсену [Laharpe 1817: 324–325]; монолог Поликсены; короткие диалоги Гекубы и Одиссея и Гекубы и Поликсены, и отдельно — монолог вестника, рассказывающего о жертвоприношении. У Мерзлякова фабула та же, но диалогическая часть значительно расширена, а перед рассказом о жертвоприношении вставляется хоровая песнь «троянских девиц», связывающая два фрагмента в единое целое. Однако и это не буквальный перевод «Гекубы»: начало отрывка не соответствует тексту Еврипида, хотя потом сходство появляется — в диалоге о пребывании Одиссея в Трое и помощи ему Гекубы (с 238-й строки оригинала и далее), в аргументации Гекубы (265–266 и 280–281 греческого текста); в прощании Гекубы и Поликсены. Отличается образ Одиссея (Улисса), представленного у Мерзлякова гораздо более склонным к милосердию, чем в оригинале. Но в целом речь может идти именно о переводе, местами даже довольно точном. В версии, включенной в «Подражания и переводы», вольность перевода возрастает: Мерзляков добавляет в начале эпизод с Талфибием, который заимствует, хотя и не буквально, из «Троянок»¹², и он служит для создания цельной драмы, соответствующей делению на 5 актов.

В «Отрывке из Альцесты, Эврипидовой трагедии» текст начинается с диалога хора (корифея) и служанки (Θεράλαινα, именуемая у Мерзлякова Наперсница), т. е. со строки 140 текста Еврипида. Пропустив лирическое оплакивание Алкесты хором, Мерзляков начинает следующий эпизод с диалога Алкесты и Адмета. В оригинале плач Алкесты передается лирическими размерами, реплики Адмета — ямбическим триметрами, но у Мерзлякова и там и там — александрийский стих. Речь Алкесты, соответствующая строкам 280–325 оригинала, приводится и у Лагарпа [Laharpe 1817: 337–338], но Мерзляков переводит с опорой на греческий оригинал, а не на французскую версию. Например, он передает, хотя и не совсем точно, фразу героини *я хочу сказать тебе перед смертью, чего желаю* (281), пропущенную Лагарпом: *Приблизься и внемли последний мой завет*. При этом пропускает сохраненное Лагарпом рассуждение *Я бы могла сохранить жизнь и снова выйти замуж* (284–285); опускает и рассуждение о родителях Адмета, не пожелавших умереть вместо сына

¹² Подобное комбинирование эпизодов из драм греческих трагиков было свойственно и Расину, которого Мерзляков не раз вспоминает в предисловии к «Подражаниям и переводам», и — хотя и в скрытой форме — Шиллеру, чья «Мессинская невеста» обнаруживает сходство и с «Персами» Эсхила, и с еврипидовскими «Финикиянками».

(290–294), также сохраненное Лагарпом. Ориентацией на греческий текст можно объяснить странный комментарий об Адмете: *О сколь несчастлив он! еще он сам не знает, / Какой удар ему Судьба приготовляет!* Адмет не может не знать о предстоящем несчастье, но Мерзляков пытается этой репликой передать греческое *он не узнает (что потерял), пока не претерпит страдание* (145). В «Подражаниях и переводах» 1825 года эта фраза исправлена, а также более точно передана начальная реплика Наперсницы 141 καὶ ζῶσαν... καὶ θανοῦσαν — *жива и не жива* (сначала Мерзляков перевел ее как *хотя жива еще*, не передав антитезу ζῶσαν/θανοῦσαν). Также в издании 1825 года добавляется парод хора, где чередуются четырехстопные и шестистопные ямбы с перекрестной рифмой. В целом перевод Мерзлякова следует тексту оригинала, но с усилением эмоциональности на уровне синтаксиса (обилие восклицательных знаков, многоточий и тире).

«Сцены из трагедии Софокловой “Эдип Колонейский”», опубликованные в 1815 г. во втором номере «Амфиона», а затем открывающие «Подражания и переводы», представляют собой практически законченную драму. Основным размером являются александрины; хоры передаются более короткими размерами с рифмами. Здесь уже не получится объяснить выбор Мерзлякова влиянием Лагарпа — в «Лицее» приводится речь Эдипа, обращенная к Полинику, а у Мерзлякова она отсутствует. Перевод начинается со второй строфы финального коммоса (строка 1453 оригинала и до конца трагедии) и обнаруживает, скажем так, тенденцию к эквилинеарности — и александрийские стихи, и строфы хора следуют за строками оригинала.

В седьмом номере «Амфиона» за 1815 г. вновь появляется Эсхил: «Кассандра в чертогах Агамемнона» из первой части «Орестеи». Это — перевод диалога хора и Кассандры, коммоса (как и в «Алкесте»), где лирические строфы, исполняемые Кассандрой, чередуются с ямбическими триметрами корифея хора (в оригинале строки 1072–1130). Начинает Мерзляков с шестистопных ямбов с перекрестной рифмой, затем переходит на александрийские стихи. Само пророчество несколько сокращается, но остается ключевой для Эсхила образ судьбы как «сети» (δίκτυον). Любопытная замена происходит в следующих строках: бык и корова, с которыми сравниваются Агамемнон и Клитемнестра (1125 ἄλεγε τῆς βοῦς τὸν ταῦρον *уберите быка от коровы*), заменяются на льва и львицу (*влеките льва от ярой львицы вспячь*), видимо, по эстетическим соображениям. Влияния Лагарпа здесь нет: в «Лицее» сказано лишь, что пророчества Кассандры — прекрасная деталь, но не показывающая характер, а в ка-

честве цитаты приводится речь Клитемнестры в прозаическом переводе [Laharpe 1817: 215–216], у Мерзлякова отсутствующая.

В «Подражаниях и переводах» публикуются с некоторыми изменениями перечисленные выше фрагменты с добавлением эпизода из Эсхиловых «Хоэфор» («Электра и Орест при гробе Агамемнона»), сцен из «Ифигении в Тавриде» Еврипида и «Антигоны» Софокла. Перевод из «Хоэфор», по мысли автора дополняющий предыдущий фрагмент Эсхила — пророчества Кассандры [Мерзляков 1825: 74], начинается с первых строк трагедии и доходит до 584-й строки. Пролог, произносимый Орестом в ямбических триметрах, Мерзляков передает чередованием шестистопных ямбов с четырех- и трехстопными и перекрестной рифмой — то есть формой, которую он использует для лирических частей. Строфы парода хора, отданные переводчиком Электре, переводятся в той же манере, а вот строфы самого хора — четырехстопными хорейми. Вольность формы способствует и вольности в передаче содержания: начиная свой перевод довольно близко к тексту в речи Ореста и первых строфах парода, Мерзляков все дальше уходит от точности в сторону чрезмерной эмоциональности. Начало первого эпизода, диалог Электры и корифея, вновь передается довольно точно. Заметим, что эта сцена есть и в «Лицее» [Laharpe 1817: 231–235], однако прямого влияния Лагарпа на Мерзлякова не наблюдается: например, в заключительной реплике речи Электры греческое *судьба влечет и свободного, и покорного чужой руке* (103–104) у Лагарпа становится *L'esclave et le tyran sont égaux dans la mort* (*раб и тиран равны перед смертью*) [Laharpe 1817:232]), а у Мерзлякова превращается в несколько туманное *Мы страждем, мы рабы; наш долг соединиться*. Впрочем, отступления от греческого текста тоже имеются — Мерзляков опускает весь диалог корифея и Электры о пряди волос, подводящий к появлению Ореста (эпизод, критикуемый уже в «Электре» Еврипида и получивший неодобрение у того же Лагарпа [Laharpe 1817: 230]).

Следом в «Подражаниях и переводах» идет отрывок из «Ифигении в Тавриде», рассказывающий о дальнейшей судьбе Ореста. Это — один из самых объемных по количеству строк фрагментов: Мерзляков начинает свой перевод с 393-й строки оригинала, переводит 1 стасим хора и следующий за ним эпизод «узнавания» [Мерзляков 1825: 99–124]. Важной новацией является использование для хоровой лирики нерифмованного дактилического стиха, в результате чего возникает контраст лирики хора и драматических диалогов, в целом свойственный и оригиналу. В русских переводах трагедии после Мерзлякова этот контраст долго будет передаваться за счет противопоставления белого пятистопного ямба в диалогах и рифм

в хорах, а в «Ифигении» Мерзлякова картина получается обратная: белый стих в хорах и александрийский стих в диалогах.

Еще один фрагмент, столь же объемный, — это эпизоды из «Антигоны» Софокла (441–800 и 1182–1229): диалог Креонта и Антигоны, Креонта и Гемона, рассказ вестника и соответствующие стасимы хора, а также Мерзляков вкладывает в уста Креонта монолог о тягостях царской власти, позаимствованный из «Эдипа Царя» [Ярхо 1990: 514]. Для хоровых песен выбран белый стих в форме логаязда — хотя он не соответствует буквально логаяздам оригинала, в целом он передает их звучание больше, чем формы русского силлабо-тонического стиха с рифмами.

Уже этого обзорного описания переводов достаточно для некоторых выводов. Да, это только фрагменты, но фрагменты довольно объемные (от одной до нескольких сотен строк), и Мерзляков воспринимает их в контексте единого целого. Это отчетливо видно в композиционном решении «Подражаний и переводов», где фрагменты из трагедий Еврипида и Эсхила последовательно раскрывают миф о Троянской войне и судьбе Атридов (от «Гекубы» через «Агамемнона и «Хоэфор» к «Ифигении в Тавриде»), а затем финал «Семерых против Фив» Эсхила перетекает в события «Антигоны» Софокла. Некоторое недоумение может вызвать вынесение вперед фрагментов «Эдипа Колонейского» и «Алкесты», но здесь объяснением может служить успех постановки «Эдипа» В. Озерова¹³. Мерзляков написал о драмах Озерова цикл статей, «почтительный по тону, но критический по существу» [Зыкова 1998: 21] и, видимо, пытался противопоставить озеровскому сочинению свои переводы, основанные на оригинальных текстах (заметим, что и перевод «Гекубы» Мерзлякова вышел в один год с «Поликсеной» Озерова).

Практически каждый отрывок в версии Мерзлякова представляет собой небольшую, но законченную драму. Он отбирает фрагменты, отбрасывая все, что кажется ему избыточным, добавляя иногда эпизоды из других драм, но явно придерживаясь принципа единства действия. Логическую рассудительность греческого текста Мерзляков, как и многие переводчики после него, подменяет «рваным синтаксисом», разбивая строгие александрины многоточиями, тире и восклицательными знаками, отсутствующими в оригинале. Знаменитую реплику Антигоны *я рождена любить, а не ненавидеть* (523) Мерзляков передает так: *Я чужда их вражды! — любовь — в душе, в устах!* [Мерзляков 1825: 128]. В сцене из «Хоэфор» реплика Электры

¹³ В драме Озерова видели влияние не только «Эдипа в Колоне», но и трагедии Дюси «Эдип у Адмета» (1778, *Oedipe chez Admète*), представлявшей собой контаминацию драмы Софокла с «Алкестой» Еврипида [Забудская 2018].

мне не хватает храбрости, и нечего сказать (91) превращается в: *Ах, нет!.. Не возмogu!.. Мой голос замирает* и т. д. В греческом тексте Мерзляков ищет не рассудительности, а эмоциональности — не случайно его выбор чаще всего падает на коммосы, и в сцене из «Хоэфор» он переводит как лирический фрагмент даже драматическую реплику хора (264–268 оригинала, с. 88–89 «Подражаний и переводов»).

Как и у многих других переводчиков, у Мерзлякова можно найти неточности, обусловленные эстетическими установками переводчика. Он довольно последователен в употреблении латинизированных форм имен: не Гестия, но Веста, не Аид, но Плутон, не Арес, но Марс, вместо Тартара — Орк, вместо Эриний — Фурии, вместо Гермеса — Меркурий (а когда в начале отрывка из «Хоэфор» Эрмий (Гермес) все же появляется, он получает сноску «Меркурий»). О превращении в речи Кассандры быка и коровы во льва и львицу сказано выше; в «Антигоне» грубый ответ Креонта о браке героини и Гемона (*Для посева есть и другие пашни*, 569) превращается в эксплицитное выражение классицистического противопоставления долга и чувства: *Рассудок над страстями быть должен властелин* [Мерзляков 1825: 141].

Перевод Мерзлякова, как считается, быстро устарел [Гитин 2003: 14]. Отчасти впечатление архаичности создается отдельными устаревшими словами и формами (*одеян* вместо *одет*, *сретать*, *паки*), но нельзя сказать, что они наполняют каждую строку. Местами архаичным и громоздким кажется синтаксис (*Я зрю смущенных вас, о граждане почтенны!*). Но во многом архаичность звучания переводов Мерзлякова обусловлена выбранной им стихотворной формой — александрийским стихом. Хотя 6-стопный ямб александрийского стиха формально близок ямбическому триметру, парная рифма и постоянная цезура уничтожали в нем то, что так важно было в оригинальном ямбическом триметре трагедии: живость звучания, близкую разговорной речи, как утверждал Аристотель (Arist. Poet. 1449 a24–28). У Мерзлякова цезура подвижна, но рифма остается неизменной и лишь иногда становится перекрестной: как правило, в начале и конце переводимого отрывка или для имитации песен хора. В хоровых песнях Мерзляков постепенно уступает тенденции обращения к белому стиху в поисках формы, подходящей для передачи логоэдов, но в передаче ямбических триметров он сохраняет верность главному размеру классицизма. И если в начале века эта форма была практически неизбежной для драмы¹⁴, то в се-

¹⁴ Этот размер использует и Н. Кошанский, включивший в «Цветы русской поэзии» (1811) фрагмент из приписываемой Софоклу трагедии «Клитемнестра».

редине 20-х, когда выходят «Подражания и переводы», уже написаны белым пятистопным ямбом «Аргивяне» Кюхельбекера, в том же 1825 году Пушкин создает «Бориса Годунова», а Кюхельбекер переводит «Агамемнона» Эсхила «размером подлинника — сенариями».

Хотя формально, с точки зрения метра, александрийский стих близок оригиналу, рифма оказывается фактором, от оригинала удаляющим. «Возмущающее влияние рифмы»¹⁵ отчетливо проступает в александринах Мерзлякова. Вот один наглядный пример: диалог Креонта и Антигоны из трех строк (446–448: *Ты ответь мне, не лукавя, коротко: ты знала, что было приказано этого не делать? — я знала, как не знать? Ведь это было объявлено*) растягивается на четыре: *Ты кратко, точно мне, как пред самой судьбою, / ответствуй. — Волю всем, объявленную мною / Ты знала, или нет?* Антигона. *Я ведала твой срам; В известность он по всем был оглашен местам.* Почему Антигона должна отвечать перед Креонтом, «как перед судьбою», иначе кроме как рифмой «мною» объяснить трудно; «срам» в качестве оценки Антигоной приказа Креонта в оригинале отсутствует, как и оглашение приказа «по всем местам». Эту особенность поэтического перевода сам Мерзляков прекрасно осознавал: «Смело могу сказать, что почти все представляемые здесь отрывки весьма близко переложены, но не переводы в теснейшем смысле сего слова; ибо я, переводя в стихах, и не мог и не хотел этого сделать» [Мерзляков 1825: XXXIX]. В традиционном противопоставлении «духа» и «буквы» он не колеблясь выбирает дух [Мерзляков 1825: XXXIV]. В конце концов, пытаясь найти баланс между «занимательностью» и «близостью к греческому подлиннику», Мерзляков присоединяется к парадоксальному выводу: «драмы не переводятся» [Мерзляков 1825: XXXV].

Таким образом, в переводах Мерзлякова «из трагедии» очень ярко проявилась причудливость его литературных взглядов. С одной стороны, его приверженность классицизму проявляется и в верности александрийским стихам, и в попытках воспроизвести единство действия даже в отрывках. С другой стороны, в его переводах постепенно проявляется стремление найти новые пути в передаче античных логоэдов (показательно, что классицизму хоры не интересны, это хорошо видно и по выборкам в «Лицее» Лагарпа) — новаторство, начало которому положил А.Х. Востоков. Далек от классицизма и акцент на эмоциональную выразительность, и добавленные в результате редакции в издание 1825 года выражения вроде «томительное мученье» и «мучительное томленье». Исследователи уже не раз показывали, как под влиянием процессов

¹⁵ Формулировка, предложенная М.Л. Гаспаровым [Гаспаров 1988: 35].

развития современной ему литературы Мерзляков корректировал свои взгляды в духе сентиментализма и романтизма [Косякова 1995] и пытался примирить противоречия смены культурных эпох [Дзядко 2009]. Его переводы из греческих трагиков являются наглядной тому иллюстрацией. Особенность переводов Мерзлякова еще и в попытке объединения двух стратегий заимствования античного материала — подражаний, т. е. собственных произведений на античный сюжет, соперничающих с образцом, и переводов, воспроизводящих этот образец с разной степенью точности. Попытка соединить манеру Лагарпа, Шиллера и Озерова, возможно, и неудачна, но в истории литературы ее роль по-своему ценна. Интересна она и с точки зрения просветительской — Мерзляков признается, что переводил изначально для слушателей Университета. Оценка Мерзлякова Рачичем — «сотворил большую часть стихотворцев нового поколения» — возможно, и завышена [Зыкова 1998: 105], но именно его переводы определяли поэтическое звучание греческой трагедии для русских читателей первой половины XIX в.¹⁶

И если «Седьм вождей» можно считать результатом влияния Лагарпа¹⁷, то далее Мерзляков пытается преодолеть интенцию, заданную «Лицеем». «Альцеста» и «Гекуба» («Смерть Поликсены») стали первыми попытками перевода больших фрагментов трагедии на русский язык с опорой на греческий оригинал, а «Эдип Колонейский», сцены из «Хозфор» и «Антигоны» — попыткой закрепить сложившуюся поэтику перевода. Внимательное их изучение помогает внести уточнения в картину становления русской драматургии с одной стороны и перевода греческой трагедии в России — с другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарев В.А. Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. // Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. М.; Л., 1964. С. 6–60.
2. Виноградов Ф.А. Алексей Феодорович Мерзляков. Опыт литературной характеристики // Отчет о состоянии 6-й С.-Петербургской гимназии за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908.
3. Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М., 1988. С. 29–62.
4. Гитин В.Е. Иннокентий Федорович Анненский и его лекции по античной драме // Анненский И. История античной драмы. СПб., 2003. С. 3–20.
5. Дзядко Ф.В. Культурная программа А.Ф. Мерзлякова в контексте литературного движения 1800 — 1810-х гг. Дисс. канд. филол. наук. М., 2009.
6. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.

¹⁶ В русском издании Лагарпа перевод был прозаическим, как и выходившие в 1823–1825 гг. отдельными книжками переводы Софокла, осуществленные И. Мартыновым.

¹⁷ Ничего исключительного и тем более постыдного в этом нет — у истоков английских переводов трагедии XVIII в. стоит *Théâtre des Grecs* P. Brumoy, переведенный Шарлоттой Леннокс [Walton 2006: 38–40].

7. *Забудская Я.Л.* Синтез сюжетов и жанров в драме Дюси «Эдип у Адмета» // XVIII век: смех и слезы в литературе и искусстве эпохи Просвещения: коллективная монография, СПб, 2018. С. 518–528.
8. *Зыкова Г.В.* Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.
9. *Косьякова С.А. А.Ф. Мерзляков* — исследователь литературы и поэт. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тамбов, 1995.
10. *Кочеткова Н.Д.* Перевод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Лицей, или Круг словесности древней и новой», осуществленный Российской академией // Российская академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII — XIX веков: ред. А.А. Костин и др. СПб., 2009. С. 132–140.
11. *Кюхельбекер В.К.* Обзорение российской словесности 1824 года. Литературные портфели. I. Время Пушкина. Пгр., 1923. С. 72–79.
12. *Лотман Ю.М.* А.Ф. Мерзляков как поэт // Мерзляков А.Ф. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. Серия «Библиотека поэта». Л., 1958. С. 5–54.
13. *Любжин А.И.* Алексей Федорович Мерзляков. «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен, 2004. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/o_merzljakove_ljubzhin_biografia.pdf?ysclid=md2vfg25cd546972377/ дата обращения: 27.06.2025.
14. *Мерзляков А.Ф.* Подражания и переводы. Из греческих и латинских стихотворцев. Ч.1. М., 1825.
15. *Мизко Н.* А.Ф. Мерзляков. Биографически-критический очерк// Русская старина. 1879. №1. С. 113–140.
16. *Мильман В.Г.* А.Ф. Мерзляков как литературный критик. Дисс. канд. филол. наук. Самарканд, 1984.
17. *Погодин М.П.* Автобиография в «Биографич. словаре профессоров и преподавателей Московского университета», изд. ко дню его столетнего юбилея. М. 1855 г., ч. II, стр. 230–274.
18. *Шевырев С.П.* Мерзляков А.Ф. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. 4.2. С. 52–100.
19. *Эткинд Е. Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.
20. *Ярхо В.Н.* Ф.Ф. Зелинский — переводчик Софокла. В кн.: Софокл. Драмы. под ред. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо. М., 1990. С. 509–541.
21. *Laharpe J.F.* Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne / par J.F. Laharpe; vol. 1. Nouvelle edition. Paris, 1817.
22. *Walton J. M.* Found in Translation: Greek Drama in English. Cambridge, 2006.

REFERENCES

1. Bochkarev V.A. Stikhotvornaya tragediya konca XVIII — nachala XIX v. [A poetic tragedy of the late 18th — early 19th century.]. In: Stikhotvornaya tragediya konca XVIII — nachala XIX v. [A poetic tragedy of the late 18th — early 19th century.] Moscow, Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ. 1964, pp. 6–60. (In Russ.)
2. Vinogradov F.A. Aleksej Feodorovich Merzlyakov. Opyt literaturnoj kharakteristiki [Alexey Feodorovich Merzlyakov. An attempt of literary characterization]. In: Otchet o sostoyanii 6-j S.-Peterburgskoj gimnazii za 1907–1908 uchebnyj god [Report on the state of the 6th St. Petersburg gymnasium for the 1907–1908 academic year]. St. Petersburg, V.D. Smirnov Publ. 1908. 44 p. (In Russ.)

3. Gasparov M.L. Bryusov i bukvalizm [Bryusov and literalism]. In: Poetika perevoda [Poetics of translation]. Moscow, Raduga Publ., 1988, pp. 29–62. (In Russ.)
4. Gitin V.E. I.F. Annenskij i ego lekcii po antichnoj drame. [I.F. Annensky and his lectures on ancient drama]. In: I. Annenskij. Istoriya antichnoj dramy. [I. Annensky. History of ancient drama]. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2003, pp. 3–20. (In Russ.)
5. Dzyadko F.V. Kul'turnaya programma A.F. Merzlyakova v kontekste literaturnogo dvizheniya 1800–1810-kh gg. [The cultural program of A.F. Merzlyakov in the context of the literary movement of the 1800–1810]. Diss. Moscow, 2009. 195 p. (In Russ.)
6. Dmitriev M.A. Glavy iz vospominanij moej zhizni [Chapters from the memories of my life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 770 p. (In Russ.)
7. Zabudskaya Ya.L. Sintez syuzhetov i zhanrov v drame Dyusi «Èhdip u Admeta» [Synthesis of plots and genres in Ducie's drama "Oedipus at Admetus"]. In: XVIII vek: smekh i slezy v literature i iskusstve ehpokhi Prosveshcheniya [The 18th century: Laughter and Tears in the Literature and Art of the Age of Enlightenment]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2018, pp. 518–528. (in Russ.)
8. Zykova G.V. Zhurnal Moskovskogo universiteta "Vestnik Evropy" (1805–1830 gg.) [The journal of the Moscow University Bulletin of Europe (1805–1830)]. Moscow, Dialog-MGU, 1998, 129 p. (in Russ.)
9. Kosyakova S.A. A.F. Merzlyakov — issledovatel' literatury i poeht. [A.F. Merzlyakov — literary researcher and poet]. Abstract diss. Tambov, 1995. 20 p. (In Russ.)
10. Kochetkova N.D. Perevod knigi Zh.-F. Lagarpa "Likej, ili Krug slovesnosti drevnej i novoj", osushchestvlenyj Rossijskoj akademiej [Translation of the book by J.-F. Laharpe "Lycée, or the Circle of Ancient and Modern Literature", carried out by the Russian Academy]. In: Rossijskaya akademiya (1783–1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov [Russian Academy (1783–1841): language and literature in Russia at the turn of the 18th–19th centuries]. Saint-Petersburg, Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 132–140. (In Russ.)
11. Kyukhel'beker V.K. Obozrenie rossijskoj slovesnosti 1824 goda [Review of Russian Literature of 1824] In: Literaturnye portfeli. I. Vremya Pushkina. [Literary Portfolios. I. Pushkin's Time.] Petrograd, Atenej Publ. 1923, pp. 72–79. (In Russ.)
12. Lotman Yu.M. A.F. Merzlyakov kak poeht [A.F. Merzlyakov as a Poet]. In: Merzlyakov A.F. Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1958, pp 5–54. (In Russ.)
13. Lyubzhin A.I. A.F. Merzlyakov. München, Im Werden Verlag. 2004 URL: https://imwerden.de/pdf/o_merzljakove_ljubzhin_biografia.pdf?ysclid=md2vfg25cd546972377/ (accessed: 27.06.2025) (In Russ.)
14. Merzlyakov A.F. Podrazhaniya i perevody. Iz grecheskikh i latinskikh stikhotvorcev [Imitations and translations. From Greek and Latin poets. Part 1] Moscow, University Publ. 1825. 232 p. (In Russ.)
15. Mizko N. A.F. Merzlyakov. Biograficheski-kriticheskij ocherk [Biographical and critical essay] Russkaya starina. 1879. №1, pp. 113–140 (In Russ.)
16. Mil'man V.G. A.F. Merzlyakov kak literaturnyj kritik [A.F. Merzlyakov as a literary critic] Diss. Samarkand, 1984. 191 p. (In Russ.)
17. Pogodin M.P. Avtobiografiya [Autobiography] Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Moskovskogo universiteta [Biographical Dictionary of Professors and Lecturers of Moscow University]. Part II. Moscow, University Publ., 1855, pp. 230–274. (In Russ.)
18. Shevyrev S.P. Merzlyakov A.F. In: Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Moskovskogo universiteta [Biographical Dictionary of Professors and Lecturers of Moscow University]. Moscow, University Publ., 1855, pp. 52–100. (In Russ.)

19. Ehtkind E. G. Russkie poeity-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina [Russian Poets-Translators from Trediakovsky to Pushkin] Leningrad, Nauka Publ., 1973. 248 p. (In Russ.)
20. Yarkho V.N. F.F. Zelinskij — perevodchik Sofokla [F.F. Zelinsky is a translator of Sophocles] In: Sophocles. Dramy [Sophocles. Dramas]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 509–541. (In Russ.)
21. Laharpe J.F. Lycée, ou cours de littérature ancienne et modern. Vol. 1. Nouvelle edition. Paris, Chez Ledoux et Tenré, 1817. 354 p.
22. Walton J.M. Found in Translation: Greek Drama in English. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 320 p.

Поступила в редакцию 20.07.2025

Отредактирована 11.10.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 20.07.2025

Revised 11.10.2026

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Яна Леонидовна Забудская — к.ф.н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ; доцент Совместного университета МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь (КНР); yanazabud@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yana L. Zabudskaya — PhD, Associate Professor, Department of Classics, Lomonosov Moscow State University; MSU-BIT University in Shenzhen (China); yanazabud@mail.ru